

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.059
УДК 94(470.53)“19/20” +
+ 314.122(470.53)-055.2 + 314.57

Е. М. Главацкая

¹*Институт истории и археологии УрО РАН*

²*Уральский федеральный университет*

Екатеринбург, Россия

А. В. Бобицкий

Е. А. Заболотных

Институт истории и археологии УрО РАН

Екатеринбург, Россия

ЖЕНСКОЕ «ОДИНОЧЕСТВО» В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Работа посвящена изучению феномена женского «одинокства», которое определяется как «состояние вне брака», в городах Пермской губернии. Акцент сделан на двух крупнейших городах — Перми и Екатеринбурге в сравнении со всем городским и сельским населением. В качестве источников были использованы результаты городских переписей Перми и Екатеринбурга и общенациональных переписей 1897 и 1926 гг. В ходе исследования был проведен количественный анализ брачного статуса женщин в связи с возрастом, местом проживания, этно-религиозной и сословной принадлежностью, рассчитаны уровень окончательного безбрачия и возраст вступления в брак. Во второй половине XIX в. в Перми и Екатеринбурге наблюдалась стабильность брачной структуры женского населения. Более 50 % от общего числа горожанок и 33,6 % от общего числа жительниц сельской местности в возрасте от 15 лет и старше не состояли в браке: в группе до 30 лет женское «одинокство» определялось тем, что часть девушек не смогла выйти замуж; к 40 годам значительная часть «одиноких» была представлена вдовами, а в группе 40–49-летних они составляли большинство. Развод существенно реже становился причиной женского «одинокства», чем невступление в брак в фертильном возрасте. На различия по уровню женского «одинокства» в городах Пермской губернии влиял приток женской прислуги, косвенно связанное с ним значительное число представителей крестьянского сословия, наличие крупного монастыря. В условиях новой советской действительности отказ от брака как жизненная траектория стал более редким явлением, при этом заметно выросла доля разведенных среди «одиноких».

Ключевые слова: историческая демография; население Урала; женщины; брачная структура; одинокство; переписи населения; Пермь; Екатеринбург

Цитирование: *Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А. Женское «одинокство» в Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 40–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.059>*

Поступила в редакцию: 19.09.2023

Принята к печати: 09.11.2023

Elena M. Glavatskaya

¹*Institute of History and Archaeology UB RAS*

²*Ural Federal University*

Ekaterinburg, Russia

Alexandr V. Bobitsky

Elizaveta A. Zabolotnykh

Institute of History and Archaeology UB RAS

Ekaterinburg, Russia

FEMALE “SINGLENESS” IN THE URALS AROUND 1900

This paper studies female “singleness”, which is defined as the status of being non-married, in the cities of Perm Province. Emphasis is placed on the two largest cities — Perm and Ekaterinburg — compared with the entire urban and rural population. The authors refer to aggregates from the city censuses taken in Perm and Ekaterinburg as well as the national censuses of 1897 and 1926 as the main sources. The study quantitatively analyses women’s marital status in relation to age, place of residence, ethno-religious, and social affiliation, and calculates the rate of women who never married and singulate mean age at marriage. During the second half of the nineteenth century, in Perm and Ekaterinburg, the authors observe stability in the marriage structure among the female population. Over 50% of urban women and 33.6% of rural women aged 15 and older were not married: in the group under 30 years old, female “singleness” was determined by the fact that some girls were unable to marry. By the age of 40, a significant part of those “single” women were widows, and in the age group of 40–49, they made up the majority. Divorce was significantly less likely to be the cause of female “singleness” than non-marriage while still fertile. The differences in the level of female “singleness” in the Perm cities were influenced by the in-migration of female servants, whose background was often rooted in the peasant class, and the presence of a large monastery. During the new Soviet reality, renunciation of marriage as a life trajectory became infrequent, while the proportion of divorced people among those “single” increased noticeably.

Key words: historical demography; population of the Urals; women; marital structure; singleness; population census; Perm; Ekaterinburg

For citation: Glavatskaya, E. M., Bobitsky, A. V., & Zabolotnykh, E. A. (2023). Zhenskoe “odinochestvo” v Permskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Female “Singleness” in the Urals around 1900]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 40–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.059>

Submitted: 19.09.2023

Accepted: 09.11.2023

Сюжеты, связанные с семейным положением, являются ключевыми в исторической демографии. Проблема женского «одинокства»¹ находится в контексте модернизации брачно-семейных отношений, деформации брачного рынка, женской эмансипации, раннего овдовения, вероятности повторного брака и т. д. Специфика российской ситуации состояла в том, что для преимущественно аграрного населения был характерен низкий в сравнении с соседними европейскими странами уровень безбрачия. Обязательное и достаточно раннее для женщин вступление в брак с целью продолжения рода было предопределено ценностными установками общества, церкви и государства. Тем не менее, на практике эта была не единственная возможная жизненная траектория, поскольку в силу различных причин часть женщин, особенно в городах, оказывались не состоящими в браке. Это могло быть связано с сознательным решением молодой женщины посвятить себя служению богу; финансовыми сложностями — «казус бесприданницы»; деформированным «брачным рынком»; физической недееспособностью и т. д. Влияние на число не состоявших в законном браке женщин оказывало архаическое законодательство, запрещающее браки между представителями различных религиозных деноминаций и жестко ограничивавшее возможность развода. Формально не состоявшими в браке могли оказаться и семейные женщины, представительницы старообрядческих сообществ, не имевших священников для совершения таинства брака.

Анализ сведений о населении Европейской России (50 губерний в западной части Российской империи) выявил значительные различия в брачной структуре купечества и мещанства с одной стороны и крестьянства с другой. Эти различия между горожанами и селянами, заметные уже в середине XIX в., к концу века усилились. В то же время рост числа девиц был общей тенденцией [Миронов, с. 177]. На тех же данных показано, что уровень безбрачия городского населения был существенно более высоким, чем сельского [Тольц, с. 140]. Исследование как отдельных городов Сибири, так и всего городского населения сибирских губерний на основе городских переписей показало сходный с Европейской Россией паттерн распределения населения по семейному положению. Он характеризовался значительным различием по доле вдовых среди мужчин и женщин, более низкой долей горожан, состоящих в браке, по сравнению с жителями сельской местности. Кроме того, отмечено большее распространение разводов среди евреев по сравнению с православными [Гончаров, с. 208–211]. Результаты количественного исследования брачного статуса населения городов Урала в позднеимперский период представлены в нескольких работах [Главацкая, Бобицкий, Заболотных, Вишневецкая; Кончаковская, 2023], а сюжеты, связанные с девичеством, были рассмотрены в контексте истории повседневности [Кончаковская, 2019]. Данная работа направлена на углубленное исследование феномена, который условно можно назвать «одинокство»,

---

¹ В данном случае термин «одинокство» употреблен как синоним «состояния вне брака» и не идентичен понятию «безбрачие» в значении целибат.

а официально — «состояние вне брака». В частности, мы постарались ответить на вопрос, насколько этот феномен был распространен в городах Пермской губернии и какова была его динамика. В задачи исследования также входило выявление основных факторов, влиявших на уровень «одиначества». Поскольку жители губернской столицы — Перми и горнозаводской столицы Урала — Екатеринбург составляли около половины городского населения губернии, а источники по ним представлены в продолжительном хронологическом ряду, то именно их население было выбрано в качестве основного объекта исследования. Состояние вне брака в XIX — начале XX в. не является синонимом одиночества в современном смысле этого слова, поскольку традиция проживания большими семьями отчасти решала проблему социальной защиты и устроенности женщин, оставшихся без мужа или не вышедших замуж. Однако проблема заключалась в том, что «состояние вне брака», добровольное или вынужденное, в конце XIX — начале XX в. создавало серьезные ограничения, лишая женщину права на легальную сексуальную жизнь и материнство. Рождение детей горожанками, не состоявшими в браке, не являлось редкостью. И хотя в городах Пермской губернии доля внебрачных рождений в начале XX в. не превышала 9 %, в Екатеринбурге и Перми этот показатель был заметно выше — 17 % и 16 % от общего числа зарегистрированных рождений соответственно [Главацкая, Заболотных].

В качестве источников были использованы опубликованные результаты городских переписей Перми (1868, 1879 и 1890 гг.) и Екатеринбурга (1873 и 1887 гг.), а также результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г., что позволило рассмотреть проблему «одиначества» в динамике на протяжении нескольких десятилетий и сравнить ситуацию в двух крупнейших городах губернии. Городские переписи начали проводиться на Среднем Урале с 1860-х гг. и продолжались до 1918 г. Несмотря на то, что переписи являлись важнейшим мероприятием в оценке населения, в самой практике их проведения и особенно в процессе разработки полученных данных были заложены проблемы, снижавшие информационный потенциал результатов. В ходе разработки использовались разные принципы группировки по возрасту, что затрудняет анализ изменений по возрастным группам; разработка результатов практически всегда была ограничена одним-двумя интегральными признаками; иногда из анализа выпадали такие базовые характеристики, как возраст и занятия, родной язык и т. д. [Бахарев]. При этом карточки первичного учета после публикации результатов разработки уже не сохраняли.

Всеобщая перепись населения 1897 г. проводилась уже в соответствии со всеми существовавшими тогда в социальной статистике и демографии принципами, и достоверность ее результатов не вызывает серьезных нареканий у специалистов в области исторической демографии. В качестве дополнительного источника мы привлекли результаты Всесоюзной переписи 1926 г., что позволило рассмотреть динамику женского «одиначества» на более продолжительном хронологическом отрезке, а также оценить изменения, произошедшие в российском обществе после Первой мировой и гражданской войн, взглянув

на феномен в новых социально-политических, экономических и бытовых реалиях. Результаты анализа данных переписи 1926 г. касаются только Свердловска (название Екатеринбург с 1923 г.), поскольку сведения о жителях Перми вошли в более крупную категорию учета.

Невступление в брак как долгосрочная траектория

В демографии существует такая количественная характеристика населения, как уровень окончательного безбрачия — оценка доли лиц, оставшихся без брачного партнера по достижении возраста в 50 лет. В действительности первые браки возможны и для лиц старше 50 лет, однако при расчетах ими принято пренебрегать, в том числе из-за того, что немногочисленные первые браки в старших возрастах сопряжены с низкой вероятностью появления детей, что делает сведения о них малоинтересными для демографов, изучающих воспроизводство населения. Поскольку в материалах Первой всеобщей переписи населения данные о брачном статусе имеются только по десятилетним группам (40–49 лет и 50–59 лет), уровень окончательного безбрачия в 1897 г. был определен как среднее арифметическое доли лиц, не состоявших в браке в этих возрастах. По нашим расчетам уровень окончательного безбрачия женщин, т. е. тех, кто никогда не вступал в брак, в Перми составлял 12,3 %, а в Екатеринбурге — 13,5 %. Эти значения немного выше, чем аналогичное, полученное для всего городского населения Пермской губернии — 11,3 %, и значительно выше, чем уровень окончательного безбрачия среди жителей уездов — 4,6 %. Таким образом, невступление в брак как жизненная траектория было в большей степени характерно для горожанок. Что касается мужчин, то они значительно реже избирали полный отказ от брака в качестве жизненной траектории. Доля не женившихся по достижении 50 лет среди них была ниже: в Перми — 9,8 %, в Екатеринбурге 8,4 %, во всех городах — 6,9 %, а в сельской местности — 2,2 %.

К 1926 г., по крайней мере в Свердловске, доля тех, кто ни разу не побывал в браке по достижении 50 лет², снизилась почти в два раза и составила 6,4 % для женщин и 3,1 % для мужчин³. Интересно, что уровень окончательного безбрачия также значительно снизился и в сельской местности — до 2,8 % у женщин и 0,9 % у мужчин (см. табл. 1). Таким образом, в условиях новой советской действительности отказ от брака как жизненная траектория стал более редким явлением.

---

² В результатах переписи 1926 г. для старших возрастов представлены пятилетние, а не десятилетние данные, поэтому уровень окончательного безбрачия был рассчитан как среднее арифметическое значение доли не состоявших в браке для возрастных групп 45–49 и 50–54.

³ Для чистоты эксперимента мы подсчитали и среднее арифметическое значение для всех возрастных групп диапазона 40–59 лет (40–44, 45–49, 50–54, 55–59), получив аналогичный результат — 6,1 % и 3,7 % соответственно.

Отметим, что к 1926 г. также произошло и «омоложение» брачности, на что указывает снижение расчетного среднего возраста вступления в брак (SMAM) — показателя, отражающего среднее число человеко-лет, прожитых вне брака, к 50 годам. Если в 1897 г. в Перми и Екатеринбурге SMAM для женщин был равен 22,7 и 23,3 года соответственно, а для мужчин — 26,6 и 26,3 года⁴, то в 1926 г. в Свердловске он снизился у женщин до 21,1 года, а у мужчин — до 24,6 лет. В сельской местности расчетный средний возраст вступления в брак также снизился к 1926 г. — до 19,6 лет у женщин и 21,9 лет у мужчин (см. табл. 1). Это могло быть связано с миграцией крестьянского населения, вступавшего в брак раньше, в Свердловск, чья численность населения к 1926 г. выросла до 136 420 чел.

Таблица 1

SMAM и уровень окончательного безбрачия, 1897 и 1926 гг.*

Территория	Год	SMAM, лет		Окончательное безбрачие, %	
		женщины	мужчины	женщины	мужчины
Пермь	1897	22,7	26,6	12,3	9,8
Екатеринбург	1897	23,3	26,3	13,5	8,4
Все города	1897	22,6	25,7	11,3	6,9
Екатеринбургский уезд	1897	20,2	23,3	4,8	2,6
Свердловск	1926	21,1	24,6	6,1**	3,7**
Свердловский округ	1926	19,6	21,9	2,8**	0,9**

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись..., с. 34–36; Всесоюзная перепись..., с. 83].

** Среднее арифметическое для возрастных групп 40–44, 45–49, 50–54, 55–59 лет⁵.

Развод как причина «одиначества»

В конце XIX в. разводы в среде православного населения были редкостью, однако результаты всеобщей переписи 1897 г., в отличие от более ранних городских переписей Перми и Екатеринбурга, содержат сведения о немногочисленных разведенных. Так, в Перми в разводе было 18 мужчин и 41 женщина, в Екатеринбурге — 19 и 28 соответственно. Всего среди горожан губернии в разводе были 60 мужчин и 109 женщин, а в уездах — 578 мужчин и 996 женщин. В процентном

⁴ Наши расчеты отличаются от сделанных ранее [см. Glavatskaya, Bobitsky, Zabolotnykh, Vishnevskaya; Главатская, Бобицкий, Заболотных, Вишневская; Кончаковская, 2023] в силу того, что в указанных работах в сумму человеко-лет, прожитых вне брака, по всей видимости, были включены данные и о лицах старше 50 лет.

⁵ Для возрастных групп 45–49 и 50–54 года: в Свердловске у женщин — 6,4 %, у мужчин — 3,1 %; в сельской местности Свердловского округа — 2,6 % и 0,8 % соответственно.

отношении в Перми на момент переписи в разводе были 0,08 % от общего числа мужчин и 0,18 % от общего числа женщин, в Екатеринбурге — 0,09 % и 0,12 %, во всех городах — 0,06 % и 0,13 %, а в уездах — 0,04 % и 0,07 % соответственно. Большинство разведенных относилось к возрастной группе 30–39 лет, при этом доля разведенных среди горожан была выше, чем среди сельских жителей, а среди женщин выше, чем среди мужчин (см. табл. 2).

Таблица 2

Разведенные и состоявшие в браке в городах Пермской губернии, 1897 г.*

Возраст	Разведенные				В браке			
	муж.	жен.	итого	соотношение полов	муж.	жен.	итого	соотношение полов
15–16	0	0	0	—	0	59	59	0
17–19	1	1	2	1,0	235	1240	1475	0,2
20–29	2	30	32	0,1	9366	9618	18984	1,0
30–39	22	43	65	0,5	13411	9103	22514	1,5
40–49	15	26	41	0,6	9710	5865	15575	1,7
50–59	2	6	8	0,3	5144	3063	8207	1,7
60+	8	3	11	2,7	3471	1595	5066	2,2
Неизв.	0	0	0	—	13	10	23	1,3
Итого	60	109	169	0,5	41350	30553	71903	1,4

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись..., с. 34].

Семейный кодекс 1918 г. сделал развод общедоступным, брак мог быть расторгнут немедленно по обоюдному согласию супругов и даже по заявлению одного из них. Кодекс 1926 г. еще более упростил процедуру: спорные разводы оформлялись через органы ЗАГСа, а для регистрации развода достаточно было обращения одного из супругов [Вишневский, с. 87–88], что не могло не вызвать рост доли разведенных среди населения. В Свердловске в 1926 г. в ходе переписи были учтены 335 мужчин в разводе (0,72 % от всего мужского населения) и 1438 женщин (2,77 % от всего женского населения). В среде жителей села в Свердловском округе доля разведенных также возросла до 0,6 % среди мужчин и 1,56 % среди женщин.

Вдовство как причина «одинокства»

Гораздо более частой причиной «одинокства» женщин во второй половине XIX в. являлось вдовство. Анализ результатов городских переписей 1868, 1873, 1879, 1887, 1890 гг. и всеобщей 1897 г. в Перми и Екатеринбурге

продемонстрировал стабильно более высокую долю вдов среди женщин. Еще заметнее эти различия в материалах переписей Екатеринбурга 1887 и 1897 гг.: в возрастной группе от 15 лет и старше доли вдов среди женщин составляли 22,2 % и 22,1 %, превышая доли вдовцов среди мужчин (5,5 % и 5,2 % соответственно) на 15 п. п.⁶ При том что масштабы вдовства мужчин и женщин серьезно различались, паттерн распределения доли вдовых по возрастам был похожим у обоих полов — более половины всех вдовствующих в Екатеринбурге и Перми приходилось на лиц старше 50 лет. В то же время нельзя не отметить, что уже в возрастной группе 30–39 лет, т. е. еще в возрасте рождения и воспитания детей, счет вдов, согласно данным переписи 1897 г., шел на сотни: 507 (13,7 %) — в Екатеринбурге и 417 (12,9 %) — в Перми⁷. Доля вдов в среде представителей городских сословий (мещан, почетных граждан, купцов с семьями) достигала 16,7 % в Перми и 17,1 % в Екатеринбурге, в то время как среди горожанок сельского состояния (преимущественно крестьянок) вдовы составляли 12,8 % и 14,8 % соответственно. Такое же отличие между сословиями было зафиксировано в данных обо всем городском населении Пермской губернии — вдовы составляли 15,9 % среди женщин городских сословий и 13,4 % среди крестьянок. Что касается населения, проживавшего за пределами городов, то доля вдов среди крестьян была еще ниже — 8,1 %. Доля вдовых среди представительниц городских сословий, проживавших в уездах⁸, также была ниже, чем среди тех, кто жил в городах — 11,7 %. Тем не менее, характер сословных различий аналогичен городскому — среди крестьянок вдовых было меньше.

Можно предположить, что крестьянки, переехавшие в города, чаще оставались вне брака из-за вдовства, чем крестьянки, жившие в уездах. Высока вероятность и того, что именно утрата кормильца и невозможность снова выйти замуж в родном селе выталкивали их в крупные города в поисках источников заработка. Тем не менее, доля вдов среди крестьянок как в сельской местности, так и в городах была ниже, чем в среде представительниц городских сословий. При этом положение овдовевших крестьянок в городах могло быть ощутимо хуже, учитывая серьезные различия по уровню материального достатка, одним из признаков которого было наличие / отсутствие собственного жилья. По результатам переписей Екатеринбурга 1873 и 1887 гг., доля домовладельцев⁹ среди женщин в группе «крестьяне, мастеровые и сельские обыватели» составляла 30,9 % в 1873 г. и 17,3 % — в 1887 г., в то время как среди мещанок она составляла 60,9 % и 49,5 % соответственно. В еще более привилегированном положении были женщины из купеческих семей Екатеринбурга, среди них

⁶ Рассчитано по данным: [Первая всеобщая перепись..., с. 36; Город Екатеринбург, с. 82].

⁷ Рассчитано по данным: [Первая всеобщая перепись..., с. 35–36].

⁸ Вероятно, к ним относились жители заводских поселений, не включенных в число городов и не вынесенных в отдельную категорию в рамках результатов переписи 1897 г.

⁹ Включая членов семей.

доля домохозяев¹⁰ достигала 72,2 % в 1887 г. Общее снижение доли домохозяев и членов их семей, вероятно, приводило к снижению благосостояния вдов¹¹.

Возраст и структура женского «одиначества»

«Одиначество» в возрастной группе до 30 лет, когда больше половины городских женщин уже были замужем, определялось тем, что часть девушек не смогла выйти замуж, а большинство одиноких женщин от 40 до 49 лет являлись вдовами. Развод существенно реже становился причиной женского одиначества, чем окончательное безбрачие. В среде сельского населения наблюдался аналогичный паттерн с поправкой на более раннюю и близкую к всеобщей брачность. Кроме того, масштаб одиначества мужчин и женщин в сельской местности различался гораздо меньше, чем в городах. Отметим также, что на возрастную группу 30–39 лет приходилась наименьшая доля одиноких среди женщин как в городах, так и в сельской местности (см. рисунок). Женщины, оказавшиеся не в браке (девицы, вдовы и разведенные), в возрасте 15 лет и старше составляли 55,8 % в Екатеринбурге и 55,1 % в Перми; во всех городах губернии — 50,8 %, в уездах — 33,6 %¹². В фертильном возрасте (от 15 до 49 лет) разница между горожанками и жительницами сельской местности еще более заметна: в Екатеринбурге доля «одиноких» составляла 51,5 %, в Перми — 46,4 %, во всех городах — 55,5 %, в уездах — 29,7 %¹³.

К 1926 г. в Свердловске причины «одиначества» изменились: число не вышедших замуж снизилось, а число оказавшихся в разводе возросло, однако основной причиной «одиначества» по достижении возраста 30–39 лет оставалась потеря супруга (см. рисунок)¹⁴.

Структура «одиначества»

Данные переписей, городских и всеобщей 1897 г., показали, что брачная структура населения Екатеринбурга и Перми в конце XIX в. оставалась стабильной (см. табл. 3, 4), что, вероятно, связано со стабильностью стоящих за ней процессов — брачности, разводимости, овдовения. При этом в среде женщин колебания долей состоявших и не состоявших в браке были меньше, чем среди мужчин.

Однако к 1926 г. ситуация заметно изменилась за счет снижения доли девиц и вдов и параллельного роста замужних и разведенных (см. табл. 5).

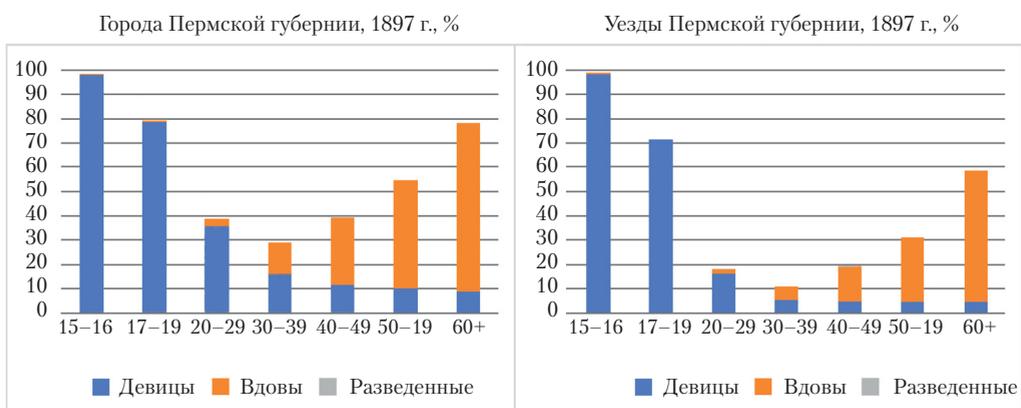
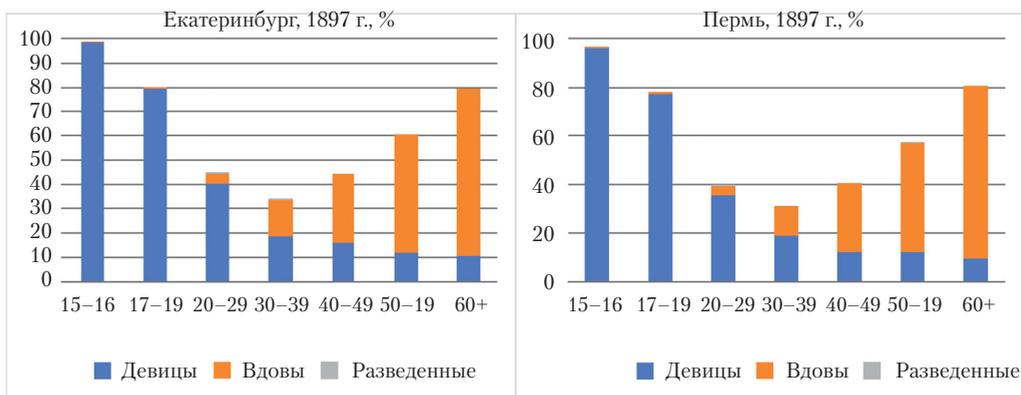
¹⁰ Включая членов семей.

¹¹ Рассчитано по данным: [Город Екатеринбург, с. 60–63, 80].

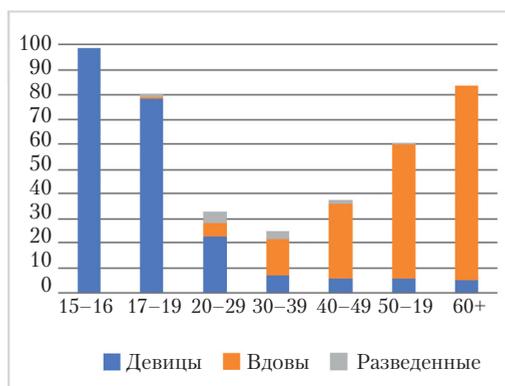
¹² Без учета лиц неизвестного возраста (15 чел. в Екатеринбурге, 13 — в Перми, 39 — во всех городах и 384 — в уездах).

¹³ Без учета лиц неизвестного возраста.

¹⁴ Возраст неизвестен у 19 женщин.

Свердловск, 1926 г., %

Доля «одиноких» женщин в Пермской губернии и в Свердловске, %
Сост. по: [Первая всеобщая перепись..., с. 34–36; Всесоюзная перепись..., с. 83]

“Single” women in Perm province and in Sverdlovsk, %
[Pervaya vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. Permskaia guberniia, p. 34–36; Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda. Ural'skaia oblast', p. 83]

Таблица 3

Брачная структура женского населения Екатеринбурга, %*

Статус	1873	1887	1897	Среднее	Стандартное отклонение
Не состоящие в браке	52,7	51,5	51,90	52,00	0,48
В браке	32,2	32,6	31,80	32,20	0,35
Вдовы	15,1	15,9	16,00	15,70	0,39
Разведенные	0	0	0,12	0,04	0,06
Нет данных	0	0	0,18	0,06	0,09
Итого	100	100	100	100	0

* Сост. по: [Город Екатеринбург, с. 62–63; с. 82; Первая всеобщая перепись..., с. 36].

Таблица 4

Брачная структура женского населения Перми, %*

Статус	1868	1879	1890	1897	Среднее	Стандартное отклонение
Не состоящие в браке	53,4	48,8	48,2	49,60	50,00	2,00
В браке	31,7	36,0	36,3	35,40	34,80	1,87
Вдовы	15,0	15,2	15,5	14,60	15,10	0,33
Разведенные	0,0	0,0	0,0	0,18	0,05	0,08
Нет данных	0,0	0,0	0,0	0,10	0,00	0,06
Итого	100	100	100	100	100	0

* Сост. по: [О числе..., с. 233; Статистика населения, с. 64–65; Однодневная перепись..., с. 32–38; Первая всеобщая перепись..., с. 35]

Таблица 5

Брачная структура женского населения Екатеринбурга / Свердловска, %*

Статус	Конец XIX в.**	1926	Разница
Не состоящие в браке	52,00	45,60	–6,40
В браке	32,20	38,10	5,90
Вдовы	15,70	14,00	–1,60
Разведенные	0,04	2,02	1,98
Нет данных	0,06	0,25	0,19
Итого	100	100	

* Сост. по: [Город Екатеринбург, с. 62–63, 82; Первая всеобщая перепись..., с. 36; Всеобщая перепись..., с. 83].

** Данные на конец XIX в. — среднее значение, рассчитанное по сведениям переписей 1873, 1887 и 1897 гг.

Снижение доли девиц могло быть следствием стремления побыстрее устроить свою жизнь в не самых благоприятных бытовых условиях с помощью вступления в брак. Что касается роста доли разведенных, то он мог быть результатом того, что модернизация семейного законодательства вывела из тени уже существовавший и фактически не изменивший своих масштабов феномен добровольного прекращения брака. Увеличение числа разведенных могло быть также отражением изменившейся социальной реальности.

Пермь и Екатеринбург на фоне малых городов

На соотношение разных причин женского «одиначества» в городах Пермской губернии могла влиять специфика половозрастной структуры их населения, которая, в свою очередь, формировалась за счет различных факторов. Одним из них был приток женской прислуги, по большей части состоявшей из незамужних. Так, согласно переписи Екатеринбурга 1873 г., девиц было намного больше среди прислуги, чем в других группах [Бобицкий, с. 35]. Значительное представительство в городе крестьян, уровень брачности которых был заметно выше, чем у мещан, также влиял на структуру женского «одиначества». Повышенная мужская смертность и наличие в городе женского монастыря также могли играть роль. Наконец, влияние оказывали и случайные факторы, сила которых становилась особенно значимой в городах с низкой численностью населения.

Учитывая конфессиональную природу брачного законодательства в Российской империи, мы предположили, что на долю «одиноких» женщин в городах мог влиять этнорелигиозный состав населения. Так, если среди русских женщин доля разведенных составляла всего 0,06 %, то среди евреев, татар и башкир она была заметно выше — 0,52 %, 0,30 % и 0,26 % соответственно¹⁵. Такая картина была очевидным следствием относительной простоты развода в законах для иудеев и мусульман. Из-за малой численности этнорелигиозных меньшинств в городах Пермской губернии нам не удалось подтвердить гипотезу о связи между этническим составом женского населения и долей девиц / вдов / разведенных с помощью корреляционного анализа. Однако мы не считаем случайными выявленные различия между русским, еврейским и татарским населением: доля девиц у русских — 49,8 %, евреев — 55,9 %, татар — 47,3 %; доля вдов у русских — 14,9 %, евреев — 7,5 %, татар — 6,5 %; доля разведенных у русских — 0,12 %, евреев — 0,6 %, татар — 0,29 %; доля лиц неизвестного брачного статуса у русских — 0,13 %, у евреев и татар — 0 %¹⁶. В рамках данного исследования не удалось статистически подтвердить и гипотезу о связи брачной структуры с долей женского населения, имеющего инвалидность. Отметим

¹⁵ Рассчитано по данным: [Первая всеобщая перепись..., с. 158–159]

¹⁶ Рассчитано по данным о родном языке и семейном положении: [Первая всеобщая перепись..., с. 158–159].

лишь, что во всех городах в возрастной группе 20 лет и старше в браке состояло лишь около 24 % женщин из всех, имевших инвалидность¹⁷. Возможно, проблема также связана с малочисленностью этой категории населения. В то же время в Перми, где абсолютная (271 чел.) и относительная (1,2 % всех женщин) численность женщин с инвалидностью была наибольшей, этот фактор наверняка давал определенный эффект.

Проанализировав данные о населении городов, мы установили, что среднее значение суммарной доли «одиноких» женщин (девиц, вдов и разведенных) в возрасте от 15 лет составляло 48,8 %. От среднего заметно отличались в положительную сторону два города – Екатеринбург и Соликамск с долей одиноких женщин, равной 55,8 %; в отрицательную – Дедюхин (41,7 %) и Алапаевск (38,4 %). Последние два города в 1897 г. характеризовались экстремально низкой долей представительниц городских сословий во всем женском населении – 18,1 % и 11,1 % соответственно. Для сравнения в Екатеринбурге и Соликамске к городским сословиям относилось 46,8 % и 52,8 % всего женского населения соответственно.

Доля девиц в городах Пермской губернии в 1897 г. в среднем составляла 28 %. По долям девиц в положительную сторону от среднего заметно отличались Соликамск (35,4 %), Ирбит (35 %), Чердынь (34,1 %) и Екатеринбург (33,5 %), в отрицательную – снова Дедюхин (20,5 %) и Алапаевск (19,9 %). По долям вдов в положительную сторону очень сильно отклонялся от среднего (20,6 %) Шадринск (24 %), в отрицательную – Ирбит (17,3 %). По долям разведенных от среднего (0,12 %) сильнее всего отклонялись в положительную сторону Пермь и особенно Ирбит, а в Дедюхине, Далматове и Оханске в ходе переписи не было выявлено ни одной женщины, находившейся в разводе.

Таблица 6

«Одинокие» горожанки в возрасте от 15 лет и старше, 1897 г., %*

Город	«Одинокие»	Девицы	Вдовы	Разведенные
Пермь	51,1	30,9	20,0	0,25
Екатеринбург	55,8	33,5	22,1	0,17
Ирбит	52,6	35,0	17,3	0,36
Кунгур	44,0	24,7	19,3	0,06
Шадринск	50,0	25,9	24,0	0,11
Алапаевск	38,4	19,9	18,5	0,04
Камышлов	48,6	27,6	20,8	0,19
Красноуфимск	44,8	25,3	19,4	0,09
Оса	45,2	26,0	19,1	0,06

¹⁷ Согласно источнику, это «слепые от рождения, ослепшие, глухонемые и умалишенные».

Окончание табл. 6

Город	«Одинокие»	Девицы	Вдовы	Разведенные
Соликамск	55,8	35,4	20,4	0,14
Чердынь	53,1	34,1	18,9	0,08
Верхогурье	50,3	29,3	20,8	0,19
Дедюхин	41,7	20,5	21,2	0
Оханск	46,5	26,5	20,0	0
Далматов	53,4	25,5	27,9	0
Среднее	48,4	28,2	20,1	0,12
Станд. откл.	5,0	4,9	1,6	0,10

* Сост. по: [Первая всеобщая перепись..., с. 35–43].

Мы предполагаем, что Ирбит оказался в числе городов с относительно большой долей девиц и разведенных за счет учета населения *de facto* в условиях миграции, связанной с ярмарочной торговлей. Значительная часть женщин, оказавшихся в Ирбите в момент переписи, могла постоянно проживать в других населенных пунктах. Примечательно, что среди переписанных в городе женщин, профессионально занятых проституцией оказалось 227, которые составили 5,5 % от женского населения в возрасте от 15 лет¹⁸, выведя Ирбит на первое место среди городов губернии как по абсолютному, так и по относительному числу занятых проституцией. Вероятно, большинство из них были учтены как девицы, составив около 15 % их общей численности. Ирбит также был лидером по доле женщин, основным занятием которых в источнике значилось «Деятельность и служба частн. присл., поденщики», — 1319 чел. (21,2 % от всего женского населения), в то время как в двух крупнейших экономических центрах губернии, идущих по этому показателю за Ирбитом, доля неквалифицированной рабочей силы среди женщин не превышала 15 % (3087 чел. — 13,9 % в Перми и 3384 чел. — 14,7 % в Екатеринбурге). Вряд ли в обычное время небольшой город нуждался в таком количестве прислуги.

Аномально высокая доля вдовых в Далматове может быть объяснена влиянием случайных факторов на фоне малого числа жителей (всего 564 жителя, из которых 111 — женщины от 15 лет, в том числе 58 — вдовы) и/или переселением вдов к Далматовскому монастырю, возле которого они могли найти дополнительный заработок, выполняя хозяйственные работы.

Высокая доля девиц в Чердыни и Соликамске, где проживали 693 и 516 не состоящих в браке женщин в возрасте от 15 лет¹⁹, может быть также объяснена случайными факторами на фоне незначительной численности жителей этих городов. Помимо этого, в Соликамске в качестве основного занятия 109 женщин

¹⁸ В Ирбите возраст неизвестен у 6 женщин.¹⁹ В Чердыни и Соликамске неизвестен возраст одной женщины.

(5,2 % от всего женского населения) было указано «Богослужение православного исповедания» с пометкой «Лица, имеющие самостоятельные занятия», что, с учетом обстоятельств, скорее всего означало принадлежность к монашеству. В Екатеринбурге богослужением профессионально занималась 521 женщина (2,3 % от общего числа), скорее всего, насельницы Ново-Тихвинского женского монастыря. Приблизительно такой же процент женщин, занятых богослужением, был зарегистрирован в небольшом Верхотурье — 2,5 % (всего 35 чел.) и Кунгуре — 2,4 % (173 чел.). По сословному составу оба города были менее «крестьянскими», чем Екатеринбург и Пермь, в которой доля профессионально занимавшихся богослужением женщин была существенно ниже — 197 чел., или 0,9 % от общего числа женщин.

Алапаевск с Дедюхиным, как уже было показано выше, с точки зрения сословной структуры скорее напоминали большие деревни, чем города. С этим можно связать низкую долю девиц в составе их жительниц, поскольку крестьянки выходили замуж раньше.

Если создать пул поселений, где количество «одиноких» женщин превышало 1000 чел., исключив из него нетипичный, в силу проводившейся в нем ярмарки, Ирбит, то в него войдут шесть городов: столичные Екатеринбург и Пермь, а также Шадринск, Камышлов, Кунгур и Алапаевск. Действительно много «одиноких» женщин было в Екатеринбурге — 55,8 %, он же выделялся и по доле девиц — 33,5 %, в то время как по доле вдовых от среднего уровня сильно отклонялся Шадринск — 24 %, а по доле разведенных — Пермь — 0,25 %. В отрицательную сторону от среднего по всем трем параметрам отклонялся Алапаевск — «одинокие» женщины составляли 38,4 % (при среднем значении для пула равном 48 % и стандартном отклонении в 5,5 п. п.), девицы — 19,9 % (при среднем 27,1 % и стандартном отклонении в 4,4 п. п.), вдовы — 18,5 % (при среднем 20,8 % и стандартном отклонении в 1,8 п. п.), разведенные — 0,04 % (при среднем 0,14 % и стандартном отклонении в 0,07 п. п.)²⁰.

Вероятно, относительно высокое число одиноких женщин в Перми и Екатеринбурге можно объяснить сочетанием нескольких факторов, в том числе притоком женщин, искавших дополнительный заработок в этих крупнейших городах, высокой долей представительниц городских сословий в составе, наличием этнорелигиозных меньшинств (особенно в Перми) и женского монастыря (особенно в Екатеринбурге).

Заключение

Феномен женского «одиначества» — состояния вне брака, добровольного или вынужденного, развивался по трем траекториям — отказ от брака, вдовство и развод. В Перми и Екатеринбурге доля «одиноких» женщин в возрасте от 15 лет в 1897 г. превышала 50 %, при этом брачная структура этих городов

²⁰ Рассчитано по данным: [Первая всеобщая перепись..., с. 35–36, 39, 43].

была стабильной на протяжении второй половины XIX в. Результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. продемонстрировали серьезные изменения в брачной структуре Свердловска (Екатеринбурга) — доля не вышедших замуж снизилась, а доля оказавшихся в разводе возросла. Тем не менее, основной причиной «одиначества» по достижении возраста 30–39 лет оставалась потеря супруга.

Невступление в брак как жизненная траектория было в большей степени характерно для горожанок. По нашим подсчетам, доля женщин, никогда не вступавших в брак, была самой высокой в Екатеринбурге — 13,5 %, для всего городского населения губернии она составляла 11,3 %, что существенно превышало уровень окончательного безбрачия среди жителей сельской местности — 4,6 %. При этом мужчины значительно реже избирали полный отказ от брака в качестве жизненной траектории. В условиях новой советской действительности отказ от брака как жизненная траектория стал еще более редким явлением как в городах, так и в сельской местности. Более того, к 1926 г. произошло омоложение брачности в Свердловске, что могло быть связано с миграцией в город крестьянского населения, вступавшего в брак раньше.

Развод как жизненная траектория в большей степени был распространен среди горожанок в возрасте от 30 до 39 лет, однако не оказывал значительного влияния на число «одиноких» в конце XIX в. Доля разведенных выросла к 1926 г., и наибольший процент разведенных приходился уже на возрастную группу 20–29 лет.

Вдовство являлось гораздо более частой причиной «одиначества» горожанок во второй половине XIX в. Крупные города Пермь и Екатеринбург демонстрировали стабильное, доходившее до 15 п. п., различие между мужчинами и женщинами по доле вдовых. При этом среди городских вдов было больше представительниц именно городских сословий. Крестьянки, переселившиеся в города, чаще оставались вне брака из-за вдовства, чем те, что проживали в уездах. Возможно, именно потеря мужа толкала их на поиск источников заработка в крупные города. При этом положение овдовевших крестьянок в городах могло быть ощутимо хуже, чем у мещанок, многие из которых имели собственное жилье.

На различия в уровне женского «одиначества» влияли сословная структура населения, привлекательность города для молодых мигранток, работавших прислугой, наличие крупного женского монастыря. Нам не удалось подтвердить гипотезу о связи между этнорелигиозным составом населения и долей девиц / вдовых / разведенных женщин с помощью корреляционного анализа из-за малой численности меньшинств в городах. Однако мы не считаем различия между самыми крупными этнорелигиозными группами случайными. Вероятно, по той же причине малочисленности не удалось статистически подтвердить и гипотезу о связи брачной структуры с долей женского населения, имеющего инвалидность.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область : [таблицы]. Отд. 3. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность / ЦСУ СССР, Отд. переписи ; Госплан СССР, Экономико-стат. сектор. М. : Изд. ЦСУ СССР, 1930. С. 75–233. Отд. оттиск из изд.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 38. М., 1930.

Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. С планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург : Тип. «Екатеринбургской недели», 1889.

Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7-го апреля 1890 года. Пермь : Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892.

О числе жителей города Перми // Пермские губернские ведомости. 1869. № 54.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния / под ред. Н. А. Троицкого. СПб. : ЦСК МВД, 1904. Т. 31.

Статистика населения г. Перми // Пермские губернские ведомости. 1880. № 13.

Исследования

Бахарев Д. С. Переписи городов Пермской губернии 1860-х — 1918 гг.: опыт описания и каталогизации // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(79). С. 6–15. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2\(79\)-6-15](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2(79)-6-15)

Бобицкий А. В. Население Екатеринбурга по результатам однодневной переписи 1873 г.: опыт и перспективы использования источника // Парадигмы и модели демографического развития : сб. ст. XII Уральского демографического форума : в 2 т. Т. I / под ред. О. А. Козловой и др. Екатеринбург, 2021. С. 31–38.

Вишневский А. Г. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М. : Новое изд-во, 2006.

Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А., Вишневская А. В. Брачность в Екатеринбурге начала XX в.: квантитативный анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3(190). С. 104–121. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.050>

Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. Внебрачная рождаемость на Урале в конце XIX — начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 89–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.066>

Гончаров Ю. М. Семья горожан Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: между традицией и модернизацией. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002.

Кончаковская Н. Б. Девичество горожанок Перми и Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в. (в контексте повседневности) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 8. С. 32–40.

Кончаковская Н. Б. Брачность в уездных городах Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1(45). С. 106–130.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 3-е изд., испр. СПб. : Изд. Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1.

Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 138–153.

Glavatskaya E., Bobitsky, A., Zabolotnykh E., Vishnevskaya, A. Chapter 7. Religion and marriage in early 20th century Ekaterinburg, Russia: a microdata analysis // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* / ed. by E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. Ekaterinburg : Ural University Press, 2019. P. 138–155.

References

Bakharev, D. S. (2023). Perepisi gorodov Permskoi gubernii 1860-kh – 1918 gg.: opyt opisaniia i katalogizatsii [Censuses of Cities in Perm Province of the 1860s – 1918: An Attempt at Description and Cataloguing]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2 (79), 6–15. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2\(79\)-6-15](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2(79)-6-15)

Bobitsky, A. V. (2021). Naselenie Ekaterinburga po rezul'tatam odnodnevnoi perepisi 1873 g.: opyt i perspektivy ispol'zovaniia istochnika [Population of Ekaterinburg According to a One-Day Census of 1873: Experience and Prospects of Using the Source]. In O. A. Kozlova et al. (Eds.), *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiia: sbornik statej XII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Paradigms and Models of Demographic Development: Collection of Articles of the XII Ural Demographic Forum] (Vol. I, pp. 31–38). Ekaterinburg.

Glavatskaya, E. M., Bobitsky, A. V., Zabolotnykh, E. A., & Vishnevskaya, A. V. (2019a). Brachnost' v Ekaterinburge nachala XX v.: kvantitativnyi analiz [Nuptiality in Early 20th Century Ekaterinburg: Quantitative Analysis]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 21, 3 (190), 104–121. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.050>

Glavatskaya, E., Bobitsky, A., Zabolotnykh, E., & Vishnevskaya, A. (2019b). Chapter 7. Religion and Marriage in Early 20th Century Ekaterinburg, Russia: A Microdata Analysis. In E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, & M. Szoltysek (Eds.), *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* (pp. 138–155). Ekaterinburg: Ural University Press.

Glavatskaya, E. M., & Zabolotnykh, E. A. (2022). Vnebrachnaia rozhdaiemost' na Urale v kontse XIX – nachale XX v. [Illegitimate Fertility in the Urals During the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(4), 89–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.066>

Goncharov, Yu. M. (2002). *Sem'ia gorozhan Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: mezhdu traditsiei i modernizatsiei* [Western Siberian Urban Family in the Late 19th – Early 20th Centuries: Between Tradition and Modernisation]. Barnaul: Altai University Press.

Konchakovskaya, N. B. (2019). Devichestvo gorozhanok Permi i Ekaterinburga v kontse XIX – nachale XX v. (v kontekste povsednevnosti) [Maidenhood among Townswomen of the Perm Province at the End of 19th – the Early 20th Centuries (in the Context of Everyday Life)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 58, 32–40. <https://doi.org/10.17223/19988613/58/4>

Konchakovskaya, N. B. (2023). Brachnost' v uездnykh gorodakh Permskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vv. po materialam Pervoi vseobshchei perepisi naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. [Marriage in District Cities of Perm Province at the Turn of the 20th Century Based on the Materials of the First Census of the Russian Empire in 1897]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1(45), 106–130. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.45.7>

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [The Social History of Russia in the Period of the Empire (18th – Early 20th Centuries):

The Genesis of the Individual, the Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law] (Vol. 1). St Petersburg: Dmitri Bulanin.

Tolz, M. S. (1977). *Brachnost' naseleniia Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Marriages of the Population of Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries]. In A. G. Vishnevsky (Ed.), *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, Fertility, and Mortality in Russia and the USSR] (pp. 138–153). Moscow: Statistika.

Vishnevsky, A. G. (2006). *Demograficheskaia modernizatsiia Rossii: 1900–2000* [Demographic Modernisation of Russia: 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Главацкая Елена Михайловна

доктор исторических наук

¹ главный научный сотрудник

Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16;

² профессор кафедры археологии
и этнологии

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Glavatskaya, Elena Mikhailovna

Dr. Hab. (History)

¹ Chief Research Fellow

Institute of History and Archaeology
UB RAS

16, S. Kovalevskaya St.,
620108 Ekaterinburg, Russia;

² Professor, Department of Archaeology
and Ethnology

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

Email: elena.glavatskaya@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7013-5013>

Scopus AuthorID: 55587715900

Бобицкий Александр Владимирович

научный сотрудник

Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16

E-mail: bobitskiy.alexander.101@yandex.ru

Bobitsky, Alexandr Vladimirovich

Research Fellow

Institute of History and Archaeology
UB RAS

16, S. Kovalevskaya St.,
620108 Ekaterinburg, Russia

Email: bobitskiy.alexander.101@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2541-7078>

WoS ResearcherID: U-2296-2019

Заболотных Елизавета Александровна

научный сотрудник

Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16

E-mail: ezabolotnych@gmail.com

Zabolotnykh, Elizaveta Aleksandrovna

Research Fellow

Institute of History and Archaeology
UB RAS

16, S. Kovalevskaya St., 620108 Ekaterinburg,
Russia

Email: ezabolotnych@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1002-8723>